

НИКОЛАЙ I

Смоленские дворяне и обязанные крестьяне. 1846–1849

<Фрагмент>

22 декабря 1846 года дворянство Смоленской губернии, окончив занятия своих губернских собраний, постановило: принести императору Николаю Павловичу благодарение за дарованные дворянству права и преимущества, для чего избрало депутатами генерал-майоров Храповицкого¹ и Александра Ив. Шембеля² и V-го класса Шупинского³ и обратилось с просьбою о принятии этих депутатов.

Вслед за тем, так как Храповицкий и Шупинский оказались «одержимыми болезнию», то взамен их 14 марта 1847 года, избраны в депутаты Смоленской губернии: предводитель дворянства — полковник князь Мих. Вас. Друцкой-Соколинский⁴ и рославльский уездный предводитель дворянства — полковник Михаил Фантон-де-Веррайон⁵, которые и должны были отправиться вместе с Шембелем в Петербург; но 3 мая 1847 года кн. Друцкой-Соколинский, уведомляя, что он «заболел вскоре после избрания и, к величайшему прискорбию, лишен счастья участвовать в депутации», — просил г. Фантона заступить, по званию предводителя дворянства, его место в депутации.

23 мая 1847 года, рославльский предводитель дворянства нижеследующим официальным письмом из С.-Петербурга уведомил кн. Друцкого-Соколинского об исполнении возложенного на него поручения:

«Начну принесением вашему сиятельству моего покорнейшего извинения в продолжительном молчании; причиною этому было

сначала желание представить в одном целом весь ход возложенного на меня поручения, а потом болезнь: я простудился сильно и, признаюсь откровенно, не в силах был писать своею рукою; употребить же на это писаря я считал неуместным; приняв все это в соображение, я уверен, что ваше сиятельство, известные доброю и рассудительностью, простите мне невольную вину мою.

Прибыв в С.-Петербург, я, на другой день, имел честь представиться г. министру внутренних дел⁶ и подать ему отношение ко мне вашего сиятельства, коим вы изволили уведомить меня, что, к крайнему сожалению вашему, вы не можете, по болезни, участвовать в депутации и предлагаете мне занять в ней ваше место.

16 мая я получил записку, которою г. министр уведомил меня, что государь император повелеть соизволил быть мне и генерал-майору Шембелю у его величества после обедни, в воскресенье.

17 мая, по утру, я и генерал Шембель отправились в Зимний дворец и ожидали окончания обедни на верху в приемной, близ кабинета его величества, вместе со многими лицами иностранных посольств, имевших счастье представиться в тот день государю императору в час по полудни; по окончании представления сказанных лиц, мы были введены в кабинет. Иметь счастье еще раз представиться его величеству, быть может, мне не случится; по этому, дорожа сим воспоминанием, я прошу простить мне некоторые подробности, в сущности не важные.

Его величество изволил подойти ко мне и пожать мне руку, сказав:

— Здравствуйте, полковник! очень рад, что вижу вас в числе депутатов Смоленской губернии.

Потом, обратившись к генералу Шембелю, спросил о состоянии его здоровья и чувствует ли он боль от ушиба? Генерал поблагодарил государя за милостивое внимание, присовокупив, что еще носит перевязь. За сим я сказал коротко, сколь я и генерал Шембель считаем себя счастливыми, удостоившись высокой чести выразить пред его величеством чувства верноподданнической признательности целой губернии за дарованные дворянству права и преимущества и за оказанные нам, смолянам, в последнее трудное время льготы и пособия.

На это его величество изволил отвечать следующее:

— Я, господа, в мое царствование не принимал еще подобных депутаций; но выражение признательности смоленского дворян-

ства мне очень приятно, — я смолян знаю за верных слуг отечеству; на поприще военном и гражданском они всегда отличались усердием и знанием, а дома — благоустройством. По этому я изъявил желание принять вас, во-первых, чтобы выразить, в лице вашем, смоленскому дворянству, сколько я люблю оное и уважаю за его чувства и рыцарские правила; во-вторых, сказать вам, что я имею в виду продолжение шоссе от Соловьева перевоза до гор. Юхнова. Конечно, шоссе это будет для губернии полезно, но линия московского шоссе нужнее; по окончании же сей последней, будет приступлено и к той, а также и к другим работам по части сообщений в губернии. В особенности мне желательно, чтобы вы занялись обсуждением выгод водяных сообщений в губернии, дабы, с одной стороны, поставить оную в независимость от неурожая подвозом хлеба из южного края, а с другой — доставить ей способы к выгодному и безостановочному сбыту к Рижскому порту, так как Гжатская пристань не совсем наделена, и в-третьих, главное, поговорить с вами келейно об обязанных крестьянах. В указе моем по этому предмету я ясно выразил мысль мою, что земля, заслуженная нами, дворянами, или предками нашими, — есть наша дворянская, заметьте, что я говорю с вами, как первый дворянин в государстве; но крестьянин, находящийся ныне в крепостном состоянии почти не по праву, а обычаем, чрез долгое время, не может считаться собственностью, а тем менее вещью; следственно, мое мнение, при обнародовании сказанного указа, было и теперь есть, чтоб дворянство помогло мне в этом деле, столь важном для развития благосостояния отечества нашего, постепенным переводом крестьян из крепостных в обязанные, — и я убежден, что такой переход, хотя на разных условиях, примененных каждым к местности, может один предупредить крутой перелом. Со всем тем, доселе только некоторыми помещиками представлены условия и между сими последними есть несоответствующие цели; знаю, что против обязанных крестьян есть возражения: кто дворянам поручится, что крестьяне будут исполнять принятые на себя обязанности? Суды не хорошо составлены, и т. д. На это я скажу, что порукою обоюдного исполнения обязанностей, действительно, должны служить суды, состоящие из дворян же, — и если суды эти не хороши, то виноваты сами дворяне, опустив не везде, но во многих местах, должности по выборам. Я, напротив, нахожу, что все эти должности достойны быть заняты лицами, достигшими не малых чинов на коронной службе и имеющими знаки

отличия. Основываясь на всем этом, я желаю, господа, чтобы вы потолковали келейно, как я теперь с вами, и написали мне о том свое мнение, прямо в собственные руки.

Когда государь император изволил кончить, я имел честь отвечать его величеству следующее:

— Слова ваши, государь, будут руководить нас в дальнейших действиях наших по этому предмету; с ним связана вся будущность наша и детей наших. Но как поручение мое и генерала Шембея ограничивается изъявлением верноподданнической признательности вашему императорскому величеству, то и не смеем предпринять что-либо в столь важном деле от своего лица собственно; а потому испрашиваем теперь вашего высочайшего соизволения, посоветоваться, по прибытии в губернию, с г. губернским предводителем.

На это его величество изволил сказать:

— Да, разумеется, я с этим совершенно согласен; повторяю вам, напишите мне, но не забудьте, что все это должно быть келейно, по-домашнему.

За сим государь император изволил спрашивать о здоровье вашего сиятельства. Я отвечал, что болезнь г. губернского предводителя тем более опечалила его, что она произошла внезапно и что самая мысль — не иметь счастья представиться на сей раз вашему величеству — усилила недуг, требующий ныне продолжительного и затруднительного лечения. Далее его величество изволил расспрашивать о состоянии всходов, отстроился ли Смоленск, о положении уездных городов вообще, и, по выслушании надлежащих ответов наших, изволил раскланяться; одним словом, государь император очаровал нас своим милостивым приемом. — Разговор продолжался более часа и день этот останется у нас навсегда в памяти.

Представляясь другим лицам августейшего семейства, г. Фантон имел случай вновь говорить об обязанных крестьянах, причем объяснял, что: во-первых, при составлении какого бы то ни было предположения об условиях с крестьянами необходимо иметь в кредитных установлениях крестьянскую казенную недоимку и, наконец, самые долги крестьян помещикам; и во-вторых, относительно замечания государя императора, что дворянство опустило должности по выборам, что если это есть, то сему причиною отчасти самая коронная, военная и гражданская служба, занимающая лучшие годы высшего дворянства, с чем и соглаша-

лись с ним, говоря, что как здесь (т. е. в коронной службе), так и там (по выборам) служба дворян одинаково нужна.

В следующий за тем день, — продолжает г. Фантон, — я и генерал Шембель отправились к г. министру внутренних дел и были приняты в кабинете. Главным предметом разговора была депутация; г. министр жалел очень, что не мог передать нам прежде представления нашего мысли об инвентарях; что, по его мнению, это есть одно из удобнейших средств к переходу из крепостного в обязанное состояние. После некоторых разговоров, как-то: о всходах, о духе крестьян, о мирских запашках и т. п., г. министр отпустил нас.

*С глубочайшим почтением имею честь быть и проч.
Михаил Фантон-де-Веррайон».*

